

Следуя памяти, Цзян Дун едва мог разглядеть на кровати возвышающийся бугорок. Даже если он не лежал на кровати, Чэн Лан все равно спал у стены, повернувшись к ней лицом. Линия его тела под одеялом была плавной и мягкой, высокой в начале, а затем, начиная с груди, постепенно снижалась, плавно переходя к ногам.

Дыхание Чэн Лана было ровным и глубоким, и в тишине темной комнаты оно казалось таким громким, словно раздавалось прямо у уха Цзян Дуна. Слушая его, он вдруг почувствовал сонливость.

Не думая о последствиях, он установил будильник, снял обувь и лег на кровать.

Сон затянулся, и когда будильник зазвонил, Цзян Дун все еще крепко спал, не успев сразу его выключить.

Чэн Лан открыл глаза и обнаружил, что рядом с ним лежит человек.

Он замер на пару секунд, затем, постепенно приходя в себя, увидел, что Цзян Дун спит рядом с ним, крепко обняв его руку, а его собственная нога лежала на ноге Цзян Дуна.

Другая рука Цзян Дуна сжимала его ладонь в районе большого пальца, и он не мог ее освободить.

Затем он заметил, что два одеяла полностью разъединились.

Неизвестно, кто из них был более беспокойным во сне, но проснувшись, они оказались в таком положении.

Судя по звукам, Цзян Дун спал спокойно.

Чэн Лан удивился, как это его рука лежала на груди Цзян Дуна, а тот даже не проснулся?

В этот момент Цзян Дун крикнул и через пару секунд открыл глаза.

Он прищурился и тихо спросил:

— Мм?

— Твой будильник прозвенел.

— ...Слышал. Ты выключил?

— Нет, сам выключился. Это для меня?

Цзян Дун явно осознал их позу и, чувствуя неловкость, перевернулся на бок, отвернувшись от Чэн Лана, хотя его лицо горело, и голос звучал неуверенно:

— Я тебя не разбудил? Уже полпервого, тебе ведь еще нужно идти, пора вставать.

Кровать слегка качнулась, когда он сел, и Цзян Дун, все еще чувствуя себя неловко, все же следил за действиями Чэн Лана.

Тот сел, взял одежду, лежащую рядом с подушкой, и начал одеваться.

Когда Чэн Лан перешагнул через него, Цзян Дун не выдержал и сказал:

— Эй...

— Мм?

Чэн Лан остановился, его ноги оказались по обе стороны от тела Цзян Дуна, и он смотрел на него сверху вниз.

— Может... я пойду с тобой?

Затем, словно боясь отказа, добавил:

— Просто записывать и писать некролог, я тоже могу. Ты ведь все делаешь один? Я помогу.

Ты выглядишь усталым, и мне тебя жаль.

В деревне жила семья по фамилии Лю, у них была бабушка Лю, которой было восемьдесят пять лет, и она умерла вечером тридцатого числа.

В тот момент вся семья сидела за столом, ужиная в канун Нового года. Бабушка была слаба здоровьем, и с возрастом стала меньше есть. Она съела несколько кусочков рыбы и ушла из-за стола, сказав, что устала и хочет отдохнуть, чтобы набраться сил и посмотреть с семьей новогодний концерт.

Но этот отдых стал последним.

Сын обнаружил, что с бабушкой что-то не так, когда приложил руку к ее носу — дыхания не

было, а тело и руки были холодными.

Бабушка была в преклонном возрасте, и хотя ее здоровье было слабым, она не болела, и ее смерть стала естественной.

Праздничное настроение сменилось печалью, и семья, собравшись вокруг бабушки, немного поплакала. Но так как она прожила долгую жизнь, это считалось счастливой смертью, и теперь, отправившись в мир иной, родственники не должны были слишком горевать, чтобы не мешать ей спокойно уйти.

Чэн Лан с Цзян Дуном вошли во двор. Перед ними была красивая стена с изображением гор и реки, и, обогнув ее, они увидели главный дом и боковые помещения. У этой семьи были хорошие условия, их дети добились успеха в городе и построили новый дом для старшего поколения, обеспечив им комфортную жизнь.

Один только двор был намного больше, чем у семьи Чэн Лана.

Поскольку они были просто соседями, Чэн Лан пришел вместо бабушки и дедушки, и у них не было родственных связей с умершей. Поэтому Цзян Дун лишь поклонился гробу с бабушкой Лю, стоя в гостиной. Его лицо, и так холодное, стало еще более бесстрастным, что подходило для такой обстановки.

Чэн Лан тоже поклонился. Он редко бывал в деревне, и жителей здесь было много, так что он не был знаком с этой семьей, не говоря уже о бабушке Лю. Но, к счастью, он появился здесь вчера, чтобы помочь, и несколько знакомых деревенских жителей уже узнали его, поэтому они приветливо встретили их, не спрашивая о происхождении Цзян Дуна, налили чаю и пригласили в боковую комнату.

Поскольку нужно было ускорить похороны, было решено, что бабушка Лю будет лежать в гробу весь первый день, а вечером второго дня состоятся похороны. Было запланировано четыре поминальных обеда: в полдень и вечером первого дня, а также в полдень и вечером второго.

В деревнях существовала такая традиция: когда в семье умирал человек, соседи приходили помочь, вносили деньги в общий фонд, чтобы поддержать семью. Затем проводились поминальные обеды, на которые приглашались соседи и родственники, чтобы утешить семью.

Это помогало развеять горе и одиночество, вызванное потерей близкого.

Люди собирались вместе, ели, разговаривали, и их присутствие отвлекало скорбящих от боли.

По сравнению с вчерашним днем, сегодня в доме Лю было еще больше людей. Многие соседи и родственники, услышав новость, пришли, чтобы помочь с организацией похорон. К двум часам дня двор был полон людей, которые группами по два-три человека стояли и разговаривали.

Чэн Лан сидел у входа в боковую комнату, перед ним стоял старый деревянный стол, покрытый красной тканью. На столе лежали две большие книги для записей, кисть, чернильница и тушь. За дверью выстроилась очередь из людей, которые приходили, чтобы внести деньги.

Это была старая традиция: записывать в книгу имена и суммы, чтобы потом можно было свериться. Это помогало в будущем, когда у кого-то из соседей случались радостные или печальные события, и нужно было знать, кто и сколько вносил.

Цзян Дун провел весь день рядом с Чэн Ланом, наблюдая за разными людьми, иногда смотря в телефон, иногда на Чэн Лана.

Он не умел писать кистью, поэтому просто сидел с холодным выражением лица, принимая деньги для семьи Лю. Двое молодых людей, сидящих вместе, привлекали внимание.

Откуда эти дети? Почему они занимаются этим? Разве это подходящее дело?

Ой, посмотрите на этого парня, у него женственное лицо, и на затылке маленький хвостик!

А тот, рядом, ему лет десять, наверное, почему он все время такой хмурый?

Только потом выяснилось, что это внуки того старого деда с двумя шрамами на лбу.

Оказывается, оба приемные.

Говорят, оба красавцы.

Теперь деревня успокоилась.

На следующий день, после того как ночью выпало немного снега, на дорогах осталась лишь влажность, и только в сухой траве у края дороги можно было заметить несколько белых пятен, похожих на звезды на желтом фоне, которые светились только под лучами солнца.

Снег принес с собой холод. Ветровки и легкие куртки, которые носили раньше, больше не подходили.

Цзян Дун отклонил второй звонок от Цзян Цзяньго, и телефон снова завибрировал. Звонил все тот же человек.

Первые два раза он просто не хотел отвечать, выключил звук и наблюдал, как экран телефона мигает и вибрирует. Цзян Цзяньго, видимо, ожидал такого исхода и не сдавался, пока Цзян Дун сам не положил трубку.

Но в этот раз все было иначе. Как только телефон завибрировал, Цзян Дун сунул руку в карман и на ощупь нажал кнопку отбоя.

Сейчас он уже был в доме Лю, сидел на том же месте, что и вчера, рядом с Чэн Ланом, записывая имена опоздавших, которые вносили деньги.

Полдень наступил, и температура немного поднялась, но их место в боковой комнате было неудачным — солнце сюда не доходило.

Сидя в тени у входа, они ощущали прохладу, которая, казалось, проникала сквозь толстую одежду прямо к коже.

Цзян Дун снова посмотрел на Чэн Лана.

Тот сидел прямо, держа в правой руке кисть и записывая данные в книгу.

Перед ним стояла женщина средних лет, с полной фигурой и покрасневшими, сухими щеками. На ее лице не было печали, она держала руки в карманах и, неловко повернувшись, жаловалась женщине позади нее на свою невестку.

<http://bllate.org/book/15499/1374908>